

ПЕРЕПИСКА Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОГО с А. Ф. КОНИ

Публикация Л. Д. Зародовой

«Торопитесь делать добро» — эти слова доктора Гааза Анатолий Федорович Кони (1844—1927), выдающийся юрист, литератор, видный общественный деятель, неоднократно цитирует в биографическом очерке «Федор Петрович Гааз». ¹ Эти слова были лозунгом всей жизни главного врача тюремных больниц, они применимы и к жизненному принципу самого А. Ф. Кони.

В своей речи «Памяти старого друга» Р. М. Хин-Гольдовская ² характеризует А. Ф. Кони как «живой центр, к которому, по бесчисленным радиусам, тянулись за поддержкой, ободрением, заступничеством и просто за радостью...». ³ Свидетельство тому — крупнейший архив А. Ф. Кони, который он собрал и сохранил, этот «документальный памятник жизни и деятельности». ⁴ Архив ученого хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) (ф. 134), он состоит из 16 описей и включает в себя 4521 единицу хранения.

А. Ф. Кони проявлял живейший интерес к делам Пушкинского Дома с самого начала его существования. Более того, ученый был «щедрым жертвователем» в собрания Пушкинского Дома. Многие из своего богатейшего литературного архива и из своей библиотеки А. Ф. Кони передал сюда еще при жизни: рукописи, музейные предметы, редкие книги, автографы писателей. Подтверждением тому служит отдельная единица хранения ⁵: в ней собраны письма, в которых ученого «уведомляют» в получении того или иного «ценного собрания» (письма за подписями Н. А. Котляревского, С. Ф. Ольденбурга, Б. Л. Модзалевского, А. П. Карпинского, С. Ф. Платонова). Так, в феврале 1915 г. в собрание Пушкинского Дома поступили письма И. А. Гончарова к А. Ф. Кони. В сентябре того же года А. Ф. Кони передал Пушкинскому Дому трость, портсигар, картины, принадлежавшие И. А. Гончарову; письма видных деятелей русской культуры к Ф. А. Кони, его отцу (В. Толбина, М. Н. Похвиснева, К. П. Масальского, гр. Е. П. Ростопчиной, Ап. А. Григорьева, Н. В. Берга, Я. П. Полонского, А. Ф. Вельтмана и др.); номер журнала «Искры» от 17 августа 1908 г. (№ 32), посвященный памяти И. С. Тургенева; письма и стихи Н. А. Полевого, И. С. Никитина, А. В. Кольцова, Н. П. Огарева и др.; фотографические карточки В. Р. Зотова, А. Ф. Писемского, М. П. Погодина, Н. И. Костомарова и др.

Благодаря обширному кругу своих знакомств, А. Ф. Кони нередко выступал посредником между Государственными учреждениями и писателями (и их наследниками). В сентябре 1917 г. А. П. Карпинский, например, благодарит А. Ф. Кони за «просветительное содействие в деле передачи ценной библиотеки великой княгини Елены Пав-

ловны в Библиотеку Академии». ⁶ Такие поступления продолжались вплоть до самой смерти А. Ф. Кони. После кончины ученого его рукописи и переписка были переданы в собственность Пушкинского Дома, согласно акту, подписанному между А. Ф. Кони и С. Ф. Ольденбургом еще 26 мая 1920 г. ⁷

Настоящая публикация посвящена послереволюционной переписке А. Ф. Кони и Б. Л. Модзалевского. Для того, чтобы прояснить содержание публикуемой переписки, позволим себе напомнить некоторые обстоятельства жизни обоих корреспондентов в послеоктябрьский период.

Несмотря на возраст (в 1918 г. А. Ф. Кони исполнилось 74 года) и здоровье, на которое он постоянно жалуется в своих письмах, А. Ф. Кони все равно берется «рукой за перо» и готовится к лекциям, публичным выступлениям, пишет статьи и заметки «памяти ушедших». Зачастую А. Ф. Кони обращается к незаслуженно забытым именам: К. К. Павлова, Э. Ф. Раден, Д. В. Григорович и др. «Я писал, всегда любя того, о ком писал, находя, что нужно изображать не преходящие и случайные недостатки человека, а то прочное, глубоко человеческое, что в нем проявлялось или таилось», — так признавался А. Ф. Кони профессору А. И. Садову. ⁸

В 1919 г. Л. С. Утевский обратился к А. Ф. Кони с предложением организовать «Тургеневское общество». Анатолий Федорович с интересом отнесся к этому проекту и благодаря его «сочувствию» и «энтузиазму» 18 июня 1919 г. был утвержден устав, а 24 декабря «Тургеневское общество» было внесено в Реестр Обществ и Союзов. ⁹ А. Ф. Кони стал его председателем, а затем почетным членом. В Обществе состоялось 15 открытых собраний, вдесяти А. Ф. Кони читал свои сообщения и постоянно привлекая новых докладчиков (см. письмо 5). Из всех прочитанных им докладов записан и напечатан только один — «Похороны Тургенева». ¹⁰ Доклад «Об отношении Тургенева к Савиной», о котором А. Ф. Кони пишет в письме Б. Л. Модзалевскому в 1921 г. (см. письмо 5), по воспоминаниям Л. С. Утевского, не состоялся, ¹¹ но написанные в 1918 г. воспоминания «Савина и Тургенев» вошли в III том мемуаров ученого «На жизненном пути».

Анатолий Федорович Кони выступал с докладами не только на заседаниях «Тургеневского общества», которое прекратило свое существование в 1921 г., но и преподавал: в I и II Петроградских университетах читал учебные курсы по уголовным процессам и судебной этике; работал в железнодорожном политехникуме; вел занятия в Школе русской драмы и на курсах Всемирной литературы в Аничковом дворце.

Насколько разнообразны лекции А. Ф. Кони на курсах Всемирной литературы видно из его писем к Е. М. Замысловской. 6 августа 1919 г. он пишет: «Мне бы хотелось прочесть и еще трехчасовую лекцию о композиторах — Глинке, Даргомыжском, Римском-Корсакове и Чайковском, а также о Рубинштейне». В письме от 4 сентября того же года он напоминал: «Имейте в виду, что у меня остались недоложенными Майков, Полонский, Лажечников, Соловьев, Салтыков-Щедрин, Лесков, Чехов и Боборыкин, а также И. Ф. Горбунов». ¹²

Принимал активное участие А. Ф. Кони и в работе Института живого слова (с 1924 г. — Государственные курсы техники речи). Это учреждение было открыто 15 ноября 1918 г. в бывшем великокняжеском дворце на Дворцовой набережной, дом 26 (ныне: Дом ученых имени А. М. Горького Российской Академии Наук). Горячее участие в создании Института и разработке его планов принимал Нарком Просвещения А. В. Луначарский. К чтению лекций привлечены были самые выдающиеся ученые-профессора, преимущественно Петроградского университета. В их числе были Ф. Ф. Зелинский, С. Ф. Ольденбург, Л. В. Щерба, В. И. Чернышев, М. В. Богданов-Березовский, Я. С. Гурович, Б. М. Эйхенбаум и др. Здесь А. Ф. Кони в 1918—1927 гг. читал лекции по теории и практике ораторского искусства и по этике общечеловеческого. Лекции А. Ф. Кони посещали разные слушатели, которые «различались и по уровню

знаний, и по жизненному опыту. Наряду с наивными девочками с косичками, еще не закончившими среднюю школу, мечтавшими о сцене, слушали А. Ф. Кони солидные люди с высшим образованием: б(ывшие) адвокаты, лица, имевшие опыт политической работы, и другие специалисты, пользовавшиеся уже сами известным авторитетом».¹³

А. Ф. Кони охотно выступал со своими воспоминаниями в Доме ученых, в Доме литераторов, в Пушкинском Доме, в Обществе охраны и изучения Петербурга, в Обществе охраны материнства и младенчества, в училище Св. Анны и многих других учреждениях. Анатолий Федорович принимал эти приглашения, несмотря на занятость лекциями, на утомленность и недомогание. Многие доклады, которые А. Ф. Кони планировал прочитать, так и остались непрочитанными. Например, в конце 1923 г. Публичная Библиотека опубликовала «Необыкновенную историю» И. А. Гончарова, и А. Ф. Кони собирался «разъяснить в печати большое душевное состояние Гончарова» (письмо 9). Публикаций по этому вопросу в печати не обнаружено, но в 1927 г. в письме к Э. Ф. Голлербаху А. Ф. Кони писал: «То крайнее нездоровье, то лекции на Госуд(арственных) курсах техники речи лишили меня удовольствия быть у Вас (...). Но хочется искупить свою вину, в марте или в апреле и предложить Вам доклад о „Необыкновенной истории“ Гончарова (напечатанной Публичной Библиотекой) в связи с моими личными воспоминаниями и перепиской». Обещанный доклад не состоялся в связи с тяжелой болезнью и последовавшей за ней смертью.¹⁴

Не менее напряженной в послеоктябрьский период выглядит и научная деятельность Бориса Львовича Модзалевского (1874—1928).

В конце 1918 г. Б. Л. Модзалевский был избран член-корреспондентом Российской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности (по представлению академиков А. А. Шахматова и Н. А. Котляревского).¹⁵ В 1919 г., когда для Пушкинского Дома было получено здание упраздненного Архива Таможенного Департамента (письмо 3), Б. Л. Модзалевского избрали старшим ученым хранителем Пушкинского Дома. В этот период он принимает активное участие в подготовке организованных Пушкинским Домом выставок: Ф. М. Достоевского; Н. А. Некрасова (письмо 6); Пушкин и его современники; А. А. Григорьев,¹⁶ постоянная историко-литературная выставка, которая открывалась в 1925 г. (письма 21 и 22) и др.

Б. Л. Модзалевский также являлся редактором и участником многих выпусков «Трудов Пушкинского Дома»: «Временник Пушкинского Дома. 1914 г.»; «Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина» (1922 г.); «Чехов. Новые письма» (редактор, 1922 г.); «Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма. Из рукописных собраний Пушкинского Дома» (1922 г.); «Короленко В. Г. Письма 1888—1921» (редактор, 1922 г.); «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пушкин. Дельвиг. Крылов. Жуковский. Тургенев. Писарев. Герцен. Чернышевский. Полонский. Стасов. Л. Толстой» (1922 г.); «Литературные портфели. 1. Время Пушкина. Статьи, заметки и неизданные материалы по новой русской литературе из собраний Пушкинского Дома» (1923 г.) и др.¹⁷

Так же, как и другие его коллеги, Б. Л. Модзалевский считал одной из важнейших задач Пушкинского Дома собирание рассеянных по частным коллекциям рукописей, спасение ценных собраний, воссоединение частей Пушкинского наследия, оказавшихся за границей.¹⁸ Многие архивные материалы поступили в Пушкинский Дом благодаря неутомимой деятельности ученого. Об этом свидетельствуют многочисленные записи в книге поступлений Рукописного отдела ИРЛИ за 1924—1929 гг.

Наряду с большой научной деятельностью Б. Л. Модзалевский с октября 1922 г. по февраль 1924 г. исполнял обязанности директора Пушкинского Дома, — в связи с заграничной командировкой Н. А. Котляревского (письмо 10). В январе 1924 г. он был арестован по допису вахтера И. Т. Филиппова и сотрудника Орлеанского. Б. Л. Модзалевского обвиняли «в преступных махинациях с государственными сред-

ствами и государственным имуществом Пушкинского Дома». Этот арест сыграл роковую роль в судьбе Бориса Львовича, «создававшего своими руками Пушкинский Дом с его бесценными коллекциями» и это «ускорило его смерть, последовавшую через 4 года, всего на 54-м году жизни».¹⁹

В настоящее время в Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся 25 писем А. Ф. Кони к Б. Л. Модзалевскому за 1899—1902 и 1918—1926 гг. (РО ИРЛИ, ф. 134, оп. 2, № 40; ф. 184) и 20 ответных писем Б. Л. Модзалевского за 1900—1902 и 1918—1925 гг. (РО ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 1119). Для данной публикации отобраны 11 писем Б. Л. Модзалевского и 12 писем А. Ф. Кони, относящиеся к 1918—1926 гг. В подборку не вошли письма раннего периода, так как они не представляют собой последовательного диалога. Местонахождение недостающих писем неизвестно; возможно, они не сохранились.

Начало переписки двух ученых относится, по-видимому, к 1899 г., когда Б. Л. Модзалевскому, только что закончившему Петербургский университет, было поручено устройство юбилейной выставки к столетию со дня рождения А. С. Пушкина. В организации этой выставки Б. Л. Модзалевский, естественно, не мог пройти мимо материалов, находившихся у А. Ф. Кони. В первом из хранящихся в РО ИРЛИ писем А. Ф. Кони сообщает своему молодому коллеге о пересылке для выставки «портретов по особому списку и сверток с гравированным портретом адмирала Мордвинова».

Последующие письма датированы уже 1900 г., в них идет речь о публикации доклада А. Ф. Кони «в сборнике, посвященном воспоминанию о чествовании юбилея Пушкина». Далее в письмах Б. Л. Модзалевский сообщает А. Ф. Кони, что занимается составлением биографического очерка об И. Е. Великопольском,²⁰ надеясь почерпнуть необходимые сведения от Кони, который знал Великопольского в студенческие годы.

Несколько писем относятся к 1902 г., основная их тема — «Русский биографический словарь», точнее том «Павел — Петр», редактором которого был Б. Л. Модзалевский. Б. Л. Модзалевский обратился к А. Ф. Кони с просьбой «написать этюд для „Словаря“ о баронессе Раден».²¹ В письмах за этот же год (1902) Б. Л. Модзалевский обращается с просьбой «определить, чей автограф — прилагаемое при сем письмо к И. Е. Великопольскому». А. Ф. Кони определил, что письмо принадлежит П. С. Мочалову.²² Таково краткое содержание писем, которые, как говорилось выше, не представлены в данной публикации.

Все публикуемые письма написаны из Петрограда (Ленинграда) в Петроград.

¹ Книга о Федоре Петровиче Гаазе (1780—1853) впервые вышла в свет в 1897 г. и выдержала шесть изданий. Последнее вышло в 1914 г. Книга переведена на немец., франц., англ., латыш., япон. языки. См.: Кони А. Ф. Федор Петрович Гааз. СПб., 1904. С. 43.

² Гольдовская (урожд. Хин) Рашель Мироновна (1863—1928) — писательница, театральный критик, друг А. Ф. Кони. В РО ИРЛИ хранятся письма за 1902—1926 гг. Р. М. Гольдовской к А. Ф. Кони (ф. 134, оп. 3, № 448).

³ См.: Хин Р. М. Памяти старого друга // Памяти Анатолия Федоровича Кони. Л.: М. 1929. С. 60 (Труды Пушкинского Дома).

⁴ Там же. С. 117.

⁵ РО ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 2084.

⁶ Там же, л. 137.

⁷ О роли А. Ф. Кони в собирании архивных и музейных хранилищ Пушкинского Дома см.: Муратов А. Б. А. Ф. Кони и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 37—52.

⁸ См.: Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 314 (Письмо А. Ф. Кони к А. И. Садову от 25 июля 1922 г.).

⁹ РО ИРЛИ, ф. 557, № 87, 88, л. 1.

¹⁰ См.: Тургеневский сборник / Под ред. А. Ф. Кони. Пг., 1921. С. 57—85.

¹¹ Утевский Л. С. Последний этап жизненного пути // Памяти Анатолия Федоровича Кони. Л.; М. 1929. С. 82—83 (Труды Пушкинского Дома).

¹² Замысловская Екатерина Константиновна — автор книг по истории и географии России, в первые годы после революции сотрудник Музея города — в Аничковом дворце. См.: Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 451.

¹³ РО ИРЛИ, ф. 474, № 659, л. 7—8 (Воспоминания о А. Ф. Кони бывшей студентки Института живого слова Нины Валериановны Галаниной).

¹⁴ Голлербах Эрих Федорович (1895—1942) — литературовед, искусствовед. Речь идет о заседании Ленинградского общества библиофилов, почетным членом которого А. Ф. Кони был избран в 1924 г.; 20 сентября 1927 г. Ленинградское общество библиофилов провело заседание, посвященное памяти А. Ф. Кони, на котором Э. Ф. Голлербах выступил с воспоминаниями «А. Ф. Кони и Ленинградское общество библиофилов» (Альманах Библиофила. Л., 1929. С. 227—234).

¹⁵ См.: Коплан Б. И. Краткий очерк научной деятельности Б. Л. Модзалевского (К первой годовщине смерти). Л., 1929. С. 308 (оттиск из «Известий АН СССР. 1929»).

¹⁶ Подробнее об этих выставках см.: Пушкинский Дом при Российской Академии Наук: исторический очерк и путеводитель. Л., 1924. С. 35.

¹⁷ Там же. С. 168—175.

¹⁸ Там же. С. 43.

¹⁹ См. прим. 1 к п. 11.

²⁰ Модзалевский Б. Л. Великопольский И. Е. (1797—1868) // Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902.

²¹ В Русском биографическом словаре (том «Притвиц-Рейс»). СПб., 1910) статью о баронессе Э. Ф. Раден написала В. Д. Корсакова. А. Ф. Кони написал заметку о ней см.: Кони А. Ф. Эдита Федоровна Раден // Кони А. Ф. Очерки и воспоминания. СПб., 1906. С. 491—494.

²² Мочалов Павел Степанович (1800—1848) — актер-трагик.

1. Б. Л. Модзалевский — А. Ф. Кони

16 апреля 1918 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович,

Нестор Александрович¹ передал мне Ваше желание получить обратно на время запечатанный пакет с Вашими мемуарами и материалами к ним. Исполняя это желание Ваше и посылая драгоценный пакет, прошу Вас не отказать сообщить мне, в каких именно из присланных Вами ранее в Пушкинский Дом рукописей Вы встречаете наибольшую, т(ак) к(ак) Нестор Александрович не мог точно ответить мне на этот вопрос; посылать же в с е, что Пушкинский Дом получил от Вас в несколько раз, было бы, конечно, нецелесообразно и нежелательно с моей, «хранительской» точки зрения.

С глубоким к Вам уважением

Искренно Вам преданный

Б. Модзалевский.

16 апр(еля) 1918.

¹ Котляревский Нестор Александрович (1863—1925) — литературовед, критик, публицист, первый директор Пушкинского Дома.

2. А. Ф. Кони — Б. Л. Модзалевскому

16 апреля 1918 г.

IV.16.

Глубокоуважаемый Борис Львович,

Сердечно благодарю Вас за присылку мне моего пакета. Относительно ответа на Ваш вопрос прошу у Вас разрешение дать таковой через несколько дней. Я очень занят изготовлением плана моих публичных лекций и удручен внезапной смертью моего сослуживца — выдающегося сенатора Ширкова.¹

Душевно предан

А. Кони.

На письме помета рукой Б. Л. Модзалевского: «1918».

¹ Ширков Василий Петрович (ум. 1918) — товарищ оберпрокурора, назначенный при Временном правительстве сенатором. Похоронен на Смоленском кладбище.

3. Б. Л. Модзалевский — А. Ф. Кони

22 января 1919 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович,

Нестор Александрович передал мне о Вашем желании ознакомиться с принадлежащими Пушкинскому Дому материалами, касающимися С. А. Андреевского: ¹ спешу послать Вам все, что нашел, и очень прошу Вас, если возможно, не долго задержать посылаемое, так как архив князя А. И. Урусова ² теперь на очереди приведения в порядок и описания. Если при этом описании, паче чаяния, найдется еще что-либо Андреевского, — не премину Вам прислать.

Надеюсь, что здоровье Ваше в удовлетворительном состоянии: этого, по крайней мере, искренно желают Ваши многочисленные поклонники и почитатели, к числу коих относит себя и Ваш покорнейший и готовый всегда к услугам

Б. Модзалевский.

22 янв(аря) 1919.

Для Пушкинского Дома получено старое здание упраздненного Архива Таможенного Департамента,³ рядом с новым зданием Библиотеки Академии Наук, — в конце Университетской линии. Вы, конечно, порадуетесь этому обстоятельству, как крупному шагу вперед в деле создания Пушкинского Дома. Боюсь только, чтобы те, котор(ые) придут, не отняли от нас сего дара Данайцев.

¹ Андреевский Сергей Аркадьевич (1847—1918) — юрист, поэт. В 1873 г. — товарищ прокурора петербургского окружного суда. После отказа выступать обвинителем по делу В. Засулич был уволен в отставку и в 1878 г. вступил в адвокатуру.

² Урусов Александр Иванович, князь (1843—1900), — судебный оратор, в одинаковой мере известен как талантливый защитник, так и обвинитель. Адвокатскую деятельность Урусов сочетал с литературной деятельностью.

³ 20 февраля 1919 г. декретом Председателя Совета Комиссаров Союза Коммуны Северной области Пушкинскому Дому было предоставлено здание Архива бывшего таможенного департамента, расположенного на Тифлисской ул. См.: *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. Исторический очерк. Л., 1980. С. 52.

4. А. Ф. Кони — Б. Л. Модзалевскому

25 июня 1921 г.

VI.25.

Глубокоуважаемый Борис Львович,

Я слышал, что Срезневский¹ привез ящики с книгами и документами Академии из Саратова.² Среди них есть ящик с моими рукописями и бумагами очень мне нужными, ибо я готовлю к печати (за рубежом) третий том моего «Жизненного пути».³ Не откажите написать мне, как получить этот ящик, т. е. в какие часы и когда за ним можно бы заехать? Лучше бы всего получить его в квартире Шахматова,⁴ чтобы было не так далеко нести.

Простите, что беспокою Вас.

Душевно Вам предан

А. Кони.

Надеждинская, 3.

На письме помета рукой Б. Л. Модзалевского: «1921».

¹ Срезневский Всеволод Измайлович (1869—1936) — литературовед, специалист в области рукописной книги, член-корр. Академии Наук (с 1906 г.), ученый хранитель рукописей 1-го Отделения Библиотеки АН. Сын филолога И. И. Срезневского.

² В связи с событиями 1917 г. ценные материалы Пушкинского Дома — рукописи Пушкина, Лермонтова и наиболее редкие книги и иконография — были эвакуированы в Саратов и Москву. В 1921 г. была произведена реэвакуация рукописей. См.: Пушкинский Дом при Российской Академии Наук: исторический очерк и путеводитель. Л., 1924. С. 22, 31; День. 1917. 13 окт., № 188.

³ Речь идет о пятитомных мемуарах А. Ф. Кони «На жизненном пути». См.: Из записок судебного деятеля. Житейские встречи (Т. 1. СПб., 1912); Из воспоминаний. Публичные чтения. В верхней палате (Т. 2. СПб., 1912); Воспоминания. Житейские драмы. Житейские встречи. Памяти ушедших. Критические очерки (Т. 3. Ревель; Берлин, 1922); Публичные чтения и речи (Т. 4. Ревель; Берлин, 1923); посмертный — Т. 5 (Л., 1929). В письме речь идет о третьем томе, который из-за трудности с бумагой пришлось издавать за границей — в ревельско-берлинском издательстве «Библиофил». Там же был издан и 4-й том.

⁴ Шахматов Алексей Александрович (1864—1920) — языковед, историк древнерусской литературы, исследователь русского летописания. Директор 1-го отделения Библиотеки Академии Наук (1899), председатель Отделения русского языка и словесности АН (1906—1920), академик.

22 июля 1921 г.

VII.22.

Глубокоуважаемый Борис Львович,

Сердечно благодарю Вас за сообщение, — полученное мною вчера. Мне нужно не все содержание ящичка, а лишь некоторые из него документы. Поэтому организовывать присылку его ко мне не стоит, но, если возможно, я просил бы Вас приказать перенести его в помещение Пушкинского Дома в квартиру Шахматовых¹ — и тогда я заехал бы с ключом, заранее предупредив Вас и взял бы нужное мне и ящик можно бы водворить на прежнее место. Если это невозможно почему-либо — будьте добры сказать по телефону и я поступлю по Вашему указанию. Телефон 86-22, вызвать г(оспо)жу Вознесенскую от 11 (утра) до 6 дня.

Очень рад, что издание писем Тургенева налаживается.² 4-го сентября у нас будет первое осеннее заседание Общества³ (день † Тургенева). Не дадите ли нам чего-нибудь. Я хочу, в свою очередь, рассказать об отношении Тургенева к Савиной.⁴ Намечены доклады Ильинского⁵ о Майкове и Блока (Г.)⁶ о Фете и отношении их к Тургеневу.

Душевно преданный А. Кони.

На письме помета рукой Б. Л. Модзалевского: «1921».

¹ Ср. воспоминания Н. В. Яковлева о Пушкинском Доме, который в 1921 г. располагался в здании Академии Наук: «В большом конференц-зале Академии Наук на длинном постаменте стоял гигантский скелет доисторического животного, диплодока. Перпендикулярно к этому постаменту были установлены друг на друге ящики в два три ряда, смотря по размеру. Так получались „стены“, а внутри них — закуты, важно именуемые „кабинетами“. Закуты поменьше — кабинеты директора и старшего учебного хранителя, а также канцелярия. Закуты побольше — кабинеты музейных и библиотечных сотрудников.

В том же, втором этаже главного здания, но в правой стороне, находилась квартира академика А. А. Шахматова...» (Яковлев Н. В. Из воспоминаний о Пушкинском Доме // Звезда. 1969. № 8. С. 170).

² См.: Письма И. С. Тургенева к А. К. Толстому, М. А. Языкову, М. Н. Каткову и А. Н. Майкову / С объяснениями Б. Л. Модзалевского // Тургеневский сборник / Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921. С. 197—207.

³ В 1919 г. по инициативе Л. С. Утевского было организовано Тургеневское общество. А. Ф. Кони отнесся к нему с большим энтузиазмом, сам ездил в Наркомпрос хлопотать об утверждении устава, который был утвержден 18 июня 1919 г., а 24 декабря 1919 г. «Тургеневское общество» внесено в Реестр Обществ и Союзов (см. РО ИРЛИ, ф. 557, № 87, 88, л. 1). См. также предисловие к нашей публикации.

⁴ Савина Мария Гавриловна (1854—1915) — русская актриса, артистка Александринского театра в Петербурге, председатель Совета Русского театрального общества. В сентябре 1918 г. А. Ф. Кони закончил написание воспоминаний «Савина и Тургенев». Они хранятся в РО ИРЛИ (ф. 134, оп. 1, № 53). Опубл.: Кони А. Ф. На жизненном пути. Ревель; Берлин, 1922. Т. 3.

⁵ Ильинский Леонид Константинович (1878—1934) — литературовед и библиограф.

⁶ Блок Георгий Петрович (1888—1962) — литературовед, сотрудник издательства «Время», старший научный сотрудник Архива АН СССР (1948—1958).

6. Б. Л. Модзалевский — А. Ф. Кони

25 октября 1921 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович,

Вы изъявили любезное согласие дать на наши (Пушк(инского) Дома) выставки в память и честь Достоевского и Некрасова нечто от сокровищ Вашего архива.¹ Будьте добры передать все, что Вы отобрали для выставки, подателю сего, моему помощнику и хранителю рукописей Пушк(инского) Дома Борису Ивановичу Коплану.² Он довезет все до нас в сохранности — в этом я ручаюсь.

Еле-еле пишу: у нас в помещении всего +5°, — и рука не ходит. Простите небрежность письма. Рад буду, если Вы найдете выход из положения, в которое нас всех поставил Феоктистов³ своими воспоминаниями о Тургеневе.

Искренно Вам преданный

Б. Модзалевский.

25.X.1921.

¹ В 1921 г. были организованы выставки к столетию со дня рождения Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова. А. Ф. Кони прислал на выставку книги и другие материалы Достоевского из своего архива, а материалы Некрасова к тому времени были переданы им В. Е. Евгеньеву-Максимову, зачинателю советского некрасоведения. На эту выставку Анатолий Федорович передал лишь маленький портрет Некрасова. См.: Муратов А. Б. А. Ф. Кони и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 46.

² Коплан Борис Иванович (1898—1942) — ученый хранитель и секретарь Пушкинского Дома.

³ Феоктистов Евгений Михайлович (1828—1898) — публицист, историк, автор мемуаров, начальник Главного управления по делам печати. Воспоминания Е. М. Феоктистова опубликованы в «Тургеневском сборнике» (под редакцией А. Ф. Кони. Пб., 1921. С. 155—195). Воспоминания опубликованы с предисловием Б. Л. Модзалевского с необходимыми оговорками и поправками «почти в полном виде, выпустив лишь несколько мест, особенно неприятных и несправедливых» (С. 158).

7. Б. Л. Модзалевский — А. Ф. Кони

20 июля 1922 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович,

Посылаю Вам, по Вашему желанию, два запечатанных пакета с материалами для биографии вел(икого) кн(язя) Константина Константиновича¹ (за №№ 1 и 2) и папку с тремя рукописями; это все то, что я принимал от Вас; где же мемуары по делу Засулич,² я не знаю; если у Срезневского, то надо спросить его, а он уже ушел сегодня. Если Вы сдали их Нестору Александровичу, то я лишен возможности узнать у него, т(ак) к(ак) он уехал загород на несколько дней.

Слышал о Вашем переутомлении и очень горюю, хотя и вижу по Вашему письму, что Вы не складываете оружия. Надеюсь, что Вы дадите себе отдых, а потом посетите Пушкинский Дом и в один из четвергов порадуете нас беседой. От души желаю Вам здоровья.

Искренно преданный Вам Б. Модзалевский.

20. VII. 1922.

Я советовал Вашему юноше не нести всего сразу, указывал на тяжесть пакетов, но он и слышать не хочет.

¹ Константин Константинович, великий князь (1858—1915) — поэт, переводчик, драматург, президент Академии Наук.

² Засулич Вера Ивановна (1851—1919) — народница, затем сторонница марксизма. В 1878 г. покушалась на петербургского градоначальника Д. Ф. Трепова. Дело Засулич слушалось в Петербургском окружном суде под председательством А. Ф. Кони. В 1904—1906 гг. он написал «Воспоминания о деле Веры Засулич», они хранятся в РО ИРЛИ (ф. 134, оп. 1, № 110). Опубл.: Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1966. Т. 2.

8. Б. Л. Модзалевский — А. Ф. Кони

Начало декабря 1923 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович,

Я очень смущен тем, что случилось с Королицким: ¹ не показалось бы ему, что я его обидел, попросив у Вас письма Салтыкова, ибо так случилось, что я писал о них (т. е. вообще о письмах) в то время, как Ваш пакет с письмами Салтыкова к Некрасову был Вами направлен ко мне для передачи ему. Очень прошу Вас во 1-х, дать ему какой-нибудь другой материал Вашего архива для использования, т(ак) к(ак) по словам Королицкого ему нужен, главным образом, заработок, а материал безразличен, и, во 2-х, успокойте его тем, что письма Салтыкова к Некрасову не могли бы им быть использованы для издания, т(ак) к(ак) они уже приготовлены к печати отдельною книжкою, по Вашему же сообщению Максимовым—Чуковским ² в издательстве «Полярной Звезды»,³ и Яковлеву ⁴ переданы гл(авным) обр(азом) для соображений при издании всей остальной собранной им (и мной) массы писем Салтыкова к разным лицам, и если ко времени печати этой массы издание Максимова — Чуковского состоится, мы их, т. е. письма С(алтыкова) к Некрасову, включать в наш сборник не будем.⁵

Я доложил Отделению русск(ого) яз(ыка) о Вашем желани войти в состав наших научных сотрудников. Отделение, конечно, постановило (третьего дня, 28 нояб(ря)) исполнить Ваше желание, — и мне остается, от имени Пушкинского Дома, принести Вам выражение искренней благодарности за высокую честь, Вами ему оказанную этим вступлением в число наших сотрудников или, как теперь выражаются, «работников», — выражаются, конечно, неправильно, так как одно слово происходит от слова «труд», а другое от слова «работа», смысл же этих слов далеко не одинаков.

Итак, позвольте Вас приветствовать, как нашего «сотрудника».

Ваш Б. Модзалевский.

Датируется по содержанию.

¹ *Королицкий Марк Самойлович* (1879—1938) — литературный и театральный критик, журналист, зав. редакцией журнала «Природа».

² *Максимов Владислав Евгеньевич* (псевд. *Евгеньев-Максимов*) (1883—1955) — литературовед, некровед. *Чуковский Корней Иванович* (наст. имя — *Николай Васильевич Корнейчуков*) (1882—1969) — детский поэт, критик, литературовед, переводчик.

³ «Полярная Звезда» — кооперативное издательство, существовавшее в Петрограде—Ленинграде в 1922—1925 гг.

⁴ *Яковлев Николай Васильевич* (1891—1981) — литературовед, научный сотрудник Пушкинского Дома (1916—1932; 1953—1957 гг.). В конце 1920 г. Б. Л. Модзалевский пригласил Н. В. Яковлева в Пушкинский Дом и предложил ему должность «эmissара». «Ближайшей задачей эmissара должно было стать строительство учреждения, а точнее сказать — ускоренный ремонт тех зданий, которые уже были предоставлены Пушкинскому Дому...» Наряду со строительными делами («в Пушкинском Доме усилению шла собирательская работа». Н. В. Яковлев принимал самое активное участие в этой работе. С его помощью были найдены архивные материалы историка К. Н. Бестужева-Рюмина, фотографии и собрание дагеротипов всего рода Соловьевых, письма Л. Л. Толстого, рукописи М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукописное собрание М. И. Семевского. См.: *Яковлев Н. В.* Из воспоминаний о Пушкинском Доме // *Звезда*. 1969. № 8. С. 165—174.

⁵ Издание, подготовленное В. Е. Максимовым и К. И. Чуковским, не состоялось. Поэтому Н. В. Яковлев включил письма М. Е. Салтыкова-Щедрина к Н. А. Некрасову в сборник «М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма 1845—1889. С приложением писем к нему и других материалов / Под ред. Н. В. Яковлева при участии Б. Л. Модзалевского» (Л., 1924; Труды Пушкинского Дома).

9. А. Ф. Кони — Б. Л. Модзалевскому

12 декабря 1923 г.

12 декабря 1923.

Глубокоуважаемый Борис Львович!

Хотя я и чувствую себя нездоровым и слабым, но берусь дружеской рукой за перо, чтобы сердечно поблагодарить Вас за осуществление моего «сотрудничества». Постараюсь по мере сил послужить «верой и правдой».

Что касается К(оро)лицкого, то, говоря совершенно между нами, он довольно странный человек: с одной стороны — со своими претензиями, а с другой — со своим безразличием в том, о чем писать. Я дал ему¹ успокоительные объяснения и обещал при первой возможности разыскать для него какой-либо люкративный материал в моем архиве, который постепенно привожу в порядок.

Ко мне обратился некто Погожев² с просьбой прослушать его очерк о личности и жизни Пушкина, разделенные на ряд глав (Пушкин и семья, Пушкин и женщины, Пушкин и друзья, Пушкин и правительство и т. п.),³ представляющая каждая законченное целое. Мне кажется, что в них есть кое-что новое и своеобразно освещенное. Он хотел бы издать этот труд отдельной книгой. Не пригодится ли все это Пушкинскому Дому, и не пожелаете ли Вы познакомиться с его работой? Он будет у меня в четверг 20-го, и если Вы пожелаете с ним поговорить и назначите время, я ему это передам.

Я очень огорчен, получив изданную Публичной Библиотекой «Необыкновенную историю» Гончарова, кот(орую) он трижды в тексте и раз в надписи на рукописи просил не опублико-

вывать,⁴ с чем был согласен в письме ко мне и Радлов.⁵ Быть может, мне придется по этому поводу разъяснить в печати большое душевное состояние Гончарова, вызвавшее написание этой рукописи, и тогда попросить у Вас на время отданную мной Академии книжку с переплетенными письмами Гончарова ко мне.

Дружески жму Вашу руку.

Искренно Вам преданный

А. Кони.

Письмо написано рукой неустановленного лица. Подпись рукой А. Ф. Кони.

¹ После слова «ему» написано и потом зачеркнуто «все».

² *Погожев Евгений Николаевич (псевд. Поселянин)* (1870—1931) — прозаик и публицист. Окончил курс московской первой гимназии с золотой медалью и курс московского университета. Первым его трудом была книга «Повесть о том, как чудом Божиим строилась русская земля» (1892). Отбыв в артиллерии воинскую повинность, переехал в Петроград начал службу во втором департаменте Сената, затем был помощником обер-секретаря. Много ездил по России и Европе. В печати выступал во всех главных духовных журналах. С 1911 г. начал сотрудничество в «Новом времени». Одной из задач своей деятельности Е. Поселянин поставил говорить об интересующих его духовных вопросах в общелитературной форме, так как духовная литература отличалась неприемлемым для большинства тяжелым изложением (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 4, № 2875, л. 1—2).

³ *Погожев Е. Н.* Отравленный Пушкин // *Минувшие дни.* 1928. № 3. С. 67—88; № 4. С. 27—44.

⁴ На л. 1 рукописи И. А. Гончарова была надпись, которая воспроизведена в публикации Публичной библиотеки: «Из этой рукописи, после моей смерти, может быть извлечено, что окажется необходимым, для оглашения, только в том крайнем случае, который указан в Примечании (...) или же хранить в Императорской Публичной Библиотеке, как материал для будущего историка русской литературы, июль 1878 года, И. Гончаров». См.: *Гончаров И. А.* Необыкновенная история / Под ред. Д. И. Абрамовича // *Материалы и исследования.* Пг., 1924. Вып. 1. С. 176—177 (Сборник Российской Публичной библиотеки; Т. 2).

⁵ *Радлов Эрнест Львович (Леопольдович)* (1854—1928) — философ, литературовед, переводчик, член-корр. Академии Наук; в Публичной библиотеке служил в 1880—1899, 1916—1927 гг.; в 1918—1924 гг. — директор Публичной библиотеки. Письмо Радлова Э. Л. от 14 августа 1923 г., о котором упоминает А. Ф. Кони, хранится в РО ИРЛИ (ф. 134, оп. 8, № 67): «(...) Библиотека решила напечатать рукопись и уже она отпечатана».

Мне это, конечно, очень неприятно, так как это решение идет в разрез с Вашим мнением и чувствами, но мне кажется, что мы можем найти некоторое утешение в мысли, что живого отношения к Гончарову Вы теперь можете встретить лишь у очень не многих лиц, для громадного же большинства это только имя, только писатель (...).

Мотивы, которыми Библиотека руководствовалась в своем решении, были следующие. Во-первых, всему Петербургу (литературному, конечно) известно, что рукопись Гончарова находится в Библиотеке и многие в ней заинтересованы и требуют ее опубликования. Если Библиотека сама не возьмет на себя это дело, то она не может воспрепятствовать другим исполнить его. Конечно, если б это дело было грязное, то его следовало бы предоставить другим, но Библиотека посмотрела на него несколько иначе. Ведь Библиотека приобрела рукопись от г. Старицкого за большие деньги и без всяких ограничений ее прав владения, к тому же воля самого Гончарова, как это видно из двух записей, сделанных его рукою, клонилось к тому, чтобы рукопись была опубликована ввиду ее историко-литературного значения. Ничто не мешало Гончарову сжечь рукопись, если он этого желал; но он этого не сделал, следовательно, имел в виду возможность появления ее в печати, ценил он свое произведение, как характеристику литературных нравов известной эпохи.

Хотя в рукописи и встречаются резкие, грубые и злые выражения, свидетельствующие о неуравновешенном состоянии писавшего, но в сущности она не прибав-

ляет ничего нового по отношению к противнику и не может особенно повредить его памяти: отношение Гончарова к Тургеневу было — как это Вам конечно хорошо известно — предметом обсуждения как в печати, так и в разных докладах, между тем сама рукопись представляется важной не только со стороны чисто биографической, но и главным образом как весьма ценная характеристика приемов творчества, пополняющая те сведения о своем творчестве, которые Гончаров дал в сказке, озаглавленной, сколько помнится „Лучше поздно, чем никогда“, и помещенной в собрании его сочинений. Все эти сообщения и побудили Библиотеку приступить к напечатанию рукописи (...)».

Упомянутый в письме А. И. Старицкий имел отношение к судьбе архива И. А. Гончарова. *Старицкий Александр Иванович* (1858—1940) — окончил юридический факультет Московского университета (в 1882 г.), начинал службу в Министерстве юстиции; служил в канцелярии комитета Министров (с 1884 г.), Орловский вице-губернатор (в 1893 г.), Екатеринославский вице-губернатор (в 1897 г.), служил в Государственном Совете (с 1899 г.), в 1909 г. ушел в отставку. В 1920 г. эмигрировал во Францию, жил в Париже. Его жена Софья Марковна (1867—1912) — внучка Любощинского Марка Николаевича (1817—1889) — юриста, сенатора, душеприказчика И. А. Гончарова и крестница Никитенко Софьи Александровны (1840—1901). А. И. Старицкий был поверенным в делах С. А. Никитенко, его она назначила опекуном малолетних племянников, а также завещала А. И. Старицкому хранившийся у нее архив гончаровских рукописей и писем. Перед отъездом в эмиграцию А. И. Старицкий через Н. А. Котляревского продал архив Гончарова в Пушкинский Дом. Пакет же с «Необыкновенной историей» был продан в Публичную библиотеку. См.: *Лобкарева А. В.* К вопросу об истории архива И. А. Гончарова // И. А. Гончаров. Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 297—298.

Упомянутая в письме Э. Л. Радлова критическая заметка «Лучше поздно, чем никогда» была написана И. А. Гончаровым в 1879 г. и воспринята современниками как «литературная исповедь». См.: *Данилевский Г.* Литературная исповедь И. А. Гончарова // *Голос*. 1879. № 13 (25).

10. Б. Л. Модзалевский — А. Ф. Кони

22 декабря 1923 г.

22.XII.1923.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович,

Сейчас передал мне Евг(ений) Ник(олаевич) Погожев Ваше письмо. Я вполне согласен с Вами в отзыве о его работе, которую, как и Вы, нахожу оригинальной и живо написанной. Весною я с удовольствием поставлю его чтение на повестку одного из наших очередных научных собраний, — теперь же у нас на Миллионной¹ мороз...

Очень жалею, что из-за отсутствия в настоящую минуту моей Канцелярии (которая вся состоит из одного человека) я не могу прислать Вам теперь же требуемого «сертификата», позвольте изготовить его на днях.

Книгу Публ(ичной) Библиотеки с Гончаровым не видал. Как бы я ни относился к появлению в печати «Необыкновенной истории», я радуюсь теперь ее появлению уже потому одному, что оно вызывает Вас на статью о Гончарове по такому тонкому вопросу, как душевное состояние его в последние годы жизни; кто же лучше Вас сумеет разъяснить нам всю сложность этого состояния?...

Письмо Салтыкова передам Яковлеву, — оно, конечно, войдет в наш Сборник. Но какого из 1870-х годов он может быть? Не помните ли Вы? Было бы нужно для датировки.

Искренно Вам преданный

Б. Модзалевский.

Р. С. Задержка Нест(ора) Ал(ександрови)ча объясняется тем, что он написал книгу и хотел бы ее напечатать в Софии² и потом вернуться. Но Академия не дает ему согласия на дальнейшее отсутствие, — и я его жду вскоре.

¹ В 1920 г. в распоряжение Пушкинского Дома поступил дом князя С. С. Абамелек-Лазарева (Миллионная ул., дом № 22). Здесь устраивали историко-литературные выставки и научные заседания. Это здание принадлежало Пушкинскому Дому до 1925 г. См.: Пушкинский Дом при Российской Академии Наук: исторический очерк и путеводитель. Л., 1924. С. 31.

² О какой книге Н. А. Котляревского идет речь, установить не удалось. Известно, что осенью 1922 г. Н. А. Котляревский на полтора года уехал за границу, в Болгарию, где жила его жена, актриса Александринского театра В. В. Пушкарева-Котляревская (во втором браке Пехлеванова). 21 марта (3 апреля) 1924 г. брак между Н. А. Котляревским и В. В. Пушкаревой был расторгнут. Свидетельство Епархиального Совета при Управлении Русскими Православными Общинами в Болгарии хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 135, № 102).

11. Б. Л. Модзалевский — А. Ф. Кони

5 февраля 1924 г.

5 февраля 1924.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович,

Ваше ласковое письмо тронуло меня до слез (в последнее время я что-то стал слезлив). Большое Вам спасибо за доброе слово и такие теплые пожелания. Должен сказать, что как ни нелеп донос на меня, как ни дики мне самому кажутся взведенные на меня доносчиком обвинения в корысти, я, увы, принял всю эту историю с такою болью, что почти «сам не свой» с 12-го января (дня моего ареста).¹ Дело мое, что называется, близкое и чем оно окончится, я еще не знаю. Уповаю на милость Божию, что все образуется, но переживаю очень и очень тяжелые дни...

По Вашему предыдущему письму я заготовил Вам «удостоверение» о Вашей прикосновенности к Пушкинскому Дому и кому-то передал его для вручения Вам «по okazji»; — но, очевидно, передатчик оказался не надежный и либо потерял бумажку, либо отправил ее в «poste restante».^a Поэтому посылаю Вам повторение этого памятного документа, за тем же числом и №.

Посылаю Вам том писем к Вам Гончарова² и расписку в принятии их Вами для работы. Будьте добры, скрепите расписку Вашею подписью и верните ее (таков у нас порядок). Через подательницу

^a До востребования (франц.).

сего — нашу сотрудницу Елену Борисовну Покровскую.³ Если у Вас намечается доклад по Гончарову, то не сделаете ли Вы его у нас в Пушк(инском) Доме на Миллионной, когда мы там оживем с наступлением теплого времени? Было бы очень радостно видеть Вас нашим дорогим гостем.

Книжечка о дуэли Пушкина⁴ (суший, кажется, пустячек) была для Вас приготовлена своевременно, но мой арест все сбил...

В это воскресенье надеюсь предстать перед Вами в сонме других Ваших почитателей и поклонников на Вашем юбилее.⁵

Сегодня получил весточку от Нестора Александровича (из Софии); вижу, что все мои мольбы приехать и сменить меня на моем «посту» тщетны: он стоит на своем, что приедет не раньше теплого времени. Поэтому вижу, что я сделал очень хорошо, упросив С. Ф. Платонова⁶ заменить меня в директорстве до приезда Нестора Александровича,⁷ а меня уволить в некоторый отпуск, который я использую для научной работы.

Однако, простите за болтовню.

Искренно Вас уважающий

Б. Модзалевский.

¹ Об аресте Б. Л. Модзалевского (12 января 1924 г.) см. в воспоминаниях Н. В. Измайлова: «Борис Львович получил повестку из Угрозыска, вызывавшую его для каких-то объяснений. Не ожидавший ничего подобного, он вместе с нами (Н. В. Измайловым и М. Д. Беляевым. — Л. 3.) напрасно ломал себе голову, стараясь догадаться, что бы это могло быть, и, ничего не придумав, пошел в назначенный час на Дворцовую площадь (тогда — пл. Урицкого), в управление Л(енин)гр(адской) милиции. Мы с Мих(аилом) Дм(итриевичем) проводили его туда, решили подождать, думая, что разговор будет недолгий. Но так и не дождался — и, очень встревоженные, вернулись в Академию, к С. Ф. Ольденбургу. Последний запросил по телефону — и получил краткий и грубый ответ, что, мол, гражданин Модзалевский задержан для расследования по уголовному служебному делу. Задержан — т. е., как оказалось потом, допрошен молодым, малограмотным следователем, смотревшем на него уже заранее как на преступника, и посажен в камеру тут же при угрозыске, вместе со всякого рода уголовниками — ворами, грабителями, бродягами, беспризорниками, каких тогда было немало. Вся эта шпана — большей частью молодежь — с любопытством смотрела на почтенного гражданина с седеющей бородой, в очках, который чувствовал себя среди них совершенно потерянним. (...) За это время выяснилось, что причиной вызова и ареста был донос, обвинявший Б(ориса) Л(ьвовича) в якобы совершенных им преступных махинациях с государственными средствами и государственным имуществом Пушк(инского) Дома — это-то его, Бориса Львовича, создававшего своими руками Пушк(инский) Дом с его бесценными коллекциями! Но донос исходил из самого Пушк(инского) Дома, и „творцы“ его стали вскоре известны: исполнителем был наш вахтер Филиппов, отплативший Бор(ису) Льв(овичу) за то, что спас его с семьей чуть не от голодной смерти, а вдохновителем — один из сотрудников, некто Орлеанский, случайный у нас человек...» (см.: *Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушк(инском) Доме. 1918—1928 гг.* — РО ИРЛИ, р. I, оп. 11, № 141, л. 31—32).

² Письма И. А. Гончарова к А. Ф. Кони хранятся в РО ИРЛИ (№ 4904). 81 письмо и записки, 8 визитных карточек за 1879—1891 годы переплетены в светло-коричневой кожаной книжке. В 1915 г. А. Ф. Кони «пожертвовал» эти письма для коллекции Пушкинского Дома, о чем свидетельствует письмо Н. А. Котляревского (см.: РО ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 2084, л. 116). Комментируемое письмо Б. Л. Модзалевского свидетельствует, что А. Ф. Кони постоянно обращался к документам, переданным им в Пушкинский Дом.

³ *Покровская Елена Борисовна* (1899—?) — историк литературы, закончила Государственный I высший педагогический институт в 1916 г. В 1918—1920 гг. — научный сотрудник Российской книжной палаты (Институт книговедения). С 1920 г. сотрудни-

ца Пушкинского Дома. См.: Петербургский филиал Архива РАН, ф. 18, оп. 4, № 29, л. 1.

⁴ Модзалевский Б. Л., Оксман Ю. Г., Цявловский М. А. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Л.: Атенеи, 1924.

⁵ В 1924 г. 10 февраля праздновался юбилей А. Ф. Кони — в связи с 80-летием со дня рождения.

⁶ Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — историк, специалист по социальной истории России, известный деятель женского образования; профессор Бестужевских курсов и Женского педагогического института. С 1920 г. директор Библиотеки АН, в 1925—1929 гг. — директор Пушкинского Дома. См.: Баскаков В. Н. Пушкинский Дом. 1905—1930—1980. Л., 1980. С. 71—73.

⁷ Арест «... так тяжело подействовал на Бориса Львовича, что тотчас по выходе из „арестантской“ он заявил С. Ф. Ольденбургу, что не может более нести ответственности за Пушк(инский) Дом и просит назначить до предстоявшего весной приезда Н. А. Котляревского временного директора из числа авторитетных академиков...» (см.: Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. — РО ИРЛИ, р. 1, оп. 11, № 141, л. 33).

12. А. Ф. Кони — Б. Л. Модзалевскому

17 марта 1924 г.

III.17.

Дорогой Борис Львович,

Простите великодушно, что я не присутствую в числе слушателя Вашего интересного доклада. Вот уже три дня, как я себя чувствую очень плохо и нет шансов выходить.

Крепко жму Вашу руку.

Вам преданный

А. Кони.

На письме помета рукой Б. Л. Модзалевского — «1924».

13. А. Ф. Кони — Б. Л. Модзалевскому

10 мая 1924 г.

V.10.

Глубокоуважаемый Борис Львович,

Я в глубоком огорчении от того, что устроители Вашего недавнего чествования,¹ не вспомнили меня и лишили возможности сердечно приветствовать Вас и высказать Вам самые теплые Вам (так. — Л. З.) пожелания — здоровья, сил и душевной бодрости для продолжения Вашей светлой и полезной деятельности. Делаю это теперь, хотя и запоздало, не по моей вине. Храни Вас Бог!

Душевно Вам преданный

А. Кони.

Извините беспорядочность моего письма: удручен хлопотами об отъезде в Москву на шесть лекций.

Если Вы выдаете Переселенкова² в П(ушкинском) Доме — не откажите передать ему мою просьбу о возвращении мне III-го тома «На жизненном пути».³ Эта книга мне нужна.

На письме помета рукой Б. Л. Модзалевского — «1924».

¹ В 1924 г. праздновали юбилей Б. Л. Модзалевского в связи с 50-летием со дня рождения.

² Переселенков Степан Александрович (1865—1941) — историк русской литературы, научный сотрудник Пушкинского Дома.

³ См. прим. 3 к п. 4.

14. А. Ф. Кони — Б. Л. Модзалевскому

Около 10 июня 1924 г.

Глубокоуважаемый Борис Львович,

Мне была прислана неведомо от кого — прилагаемые бумаги и приложение, и так как я ни посетить О. П. Павлицеву,¹ ни существенно помочь ей средствами не мог, то мне думается, что теперь, в 125 лет(ний) юбилей Пушкина, быть может, П(ушкинский) Д(ом) мог бы сделать некоторые шаги для увеличения ее пенсии, хотя бы, например, через Дом Ученых.

Позвольте препроводить эти бумажки Вам.

Прилагаю письмо, написанное мною сегодня утром, и крепко жму Вашу руку.

Ваш. А. Кони.

Передайте мой поклон Вашему милому сыну.²

На письме помета рукой Б. Л. Модзалевского: «10.VI.1924».

К письму приложены следующие документы:

№ 1

КОПИЯ
ПУШКИНСКИЙ
ДОМ

при Российской Академии
Наук.

Петроград. 9 окт. 1923.

№ 1000

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано Пушкинским Домом, при Российской Академии Наук, Ольге Петровне Павлицевой в том, что она после смерти мужа своего, Льва Николаевича Павлицева,³ сына сестры поэта А. С. Пушкина, Ольги Сергеевны, по мужу Павлицевой⁴ — сохранила и привела в порядок обширный материал, состоящий из рукописей великого поэта, реликвий и книг, оставшихся после смерти мужа ее, и передала

этот ценный для научных исследований материал в Пушкинский Дом — и что таковая деятельность Ольги Петровны Павлицевой является ценной заслугой для государства в области культурно-просветительной.

И. о. Директора Б. Модзалевский.

Печать.

№ 2

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Ольга Петровна Павлицева, вдова родного племянника поэта А. С. Пушкина — Льва Николаевича Павлицева, сына его сестры Ольги Сергеевны — одинокая, беспомощная, больная старушка 74 лет, находится, со смерти мужа в 1915 году, в крайне бедственном положении, терпит холод и голод, не имеет в занимаемом помещении никаких необходимых удобств, всю тяжелую работу делает сама и часто изнемогает под бременем непосильного труда и нужды. Иногда она получала некоторые пособия, но только временно, так что рассчитывать ни на что не могла. В прошлом году ей назначили 1/2 пайка из «КУБУ»,⁵ но и это прекратилось: наконец, теперь, недавно, ей положили вдовью пенсию за службу мужа и на днях она ее получила в размере 13 миллиардов, из которых 3 пришлось уплатить за проезд того, кто ее привез! 10 миллиардов в месяц на квартиру, дрова, пропитание и прочие неизбежные расходы!!... Скучное существование ее поддерживается преимущественно случайными приношениями сострадательных, но почти столь же бедных, как она сама, людей. Обстановки, продажа которой могла бы хоть на время ее обеспечить, она не имеет, так как, по смерти мужа, отдала безвозмездно и добровольно в Академию не только рукописи и книги, но также мебель, миниатюры и другие предметы, принадлежавшие семье поэта.

Кто пожелает лично познакомиться с почтенной, многострадальной старушкой и потрудится ради этого приехать в Лесной (Старопарголовский просп. 35, кв. 17), тот убедится, что выше сказанное не преувеличивает ее нужды, вынесет впечатление, которое превзойдет то, что могли выразить слова, и пожелает, чтобы по случаю торжественного юбилея чествуемого поэта вспомнили и пожалели его достойную родственницу.

Прилагается копия
с удостоверения.

3 февраля.
1924.

¹ Павлицева Ольга Петровна (1847—1924) — жена Л. Н. Павлицева, племянника А. С. Пушкина.

² Модзалевский Лев Борисович (1902—1948) — историк литературы. Сын Б. Л. Модзалевского.

³ Павлицев Лев Николаевич (1834—1915) — племянник А. С. Пушкина. Автор воспоминаний о Пушкине. В 1912 г. Лев Николаевич Павлицев пожертвовал Пушкинскому Дому ряд редких семейных портретов: портрет матери Пушкина — Надежды

Осиповны (миниатюра работы графа Ксавье де Местра), портрет С. Л. Пушкина, Л. С. Пушкина (портрет и рисунок Орловского, изображающий Льва Сергеевича юношей), Ольги Сергеевны Пушкиной (в замуж. Павлицевой). См.: Пушкинский Дом при Российской Академии Наук: исторический очерк и путеводитель. Л., 1924. С. 15—16.

⁴ Павлицева (урожд. Пушкина) Ольга Сергеевна (1797—1868) — сестра А. С. Пушкина, жена Николая Ивановича Павлицева (1802—1879).

⁵ КУБУ — Комиссия по улучшению быта ученых. Создана в январе 1920 г. Председателем Петроградской КУБУ был М. Горький. В состав Комиссии входили С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, И. И. Манухин, А. Е. Бадаев и др. КУБУ занималась распределением продовольственных пайков.

15. А. Ф. Кони — Б. Л. Модзалевскому

10 июня 1924 г.

VI.10.

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Львович, — после заседания Академии ко мне обращались разные лица с просьбою повторить мою речь о Пушкине в Пушкинском Доме.¹ Мне думается, что она не заслуживает повторения, но если Вы найдете, что это было бы уместно и бесполезно, то я готов это сделать в конце июля или в сентябре, если помещение будет это позволять; кроме того 25 декабря исполнится 30 лет с кончины Каролины Павловой² и я мог бы сделать доклад о ней; она заслуживает поминок...

Предоставляю это Вашему благоусмотрению. Я предполагаю уехать в августе на Волгу, в качестве лектора, но все остальное время хотел бы остаться здесь, если только здоровье позволит.

Если придется читать о Пушкине, попрошу Ваших предворительных критических замечаний, которые мне помешали выслушать в воскресенье разные «приставатели».

Горячо желаю Вам скорейшего восстановления душевного спокойствия.

Вам искренно преданный

А. Кони.

Р. S. Единственное условие моих лекций — привезти меня и отвезти обратно.

На письме помета рукой Б. Л. Модзалевского: «1924».

¹ Текст речи 1924 г. неизвестен. См. более раннюю речь 1921 г.: *Кони А. Ф.* Речь на торжественном собрании представителей литературных организаций в день смерти Пушкина (11 февраля 1921) // Вестник литературы. 1921. № 3. С. 18—19.

² Павлова (урожд. Яниш) Каролина Карловна (1807—1893) — поэтесса и переводчица. В московских литературных салонах встречалась во второй половине 1820-х гг. с А. С. Пушкиным, Д. В. Веневитиновым, Е. А. Баратынским. Очевидно, что А. Ф. Кони ошибся в определении тридцатилетия со дня кончины Каролины Павловой.

16. Б. Л. Модзалевский — А. Ф. Кони

20 июня 1924 г.

20.VI.1924.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович,

Ваше письмо ко мне дошло до меня через П. М. Устимовича¹ только третьего дня, — почему Вы до сих пор и не получили на него отклика. Теперь спешу сообщить Вам, что Комитет Пушкинского Дома, конечно, с великою благодарностью принимает Ваше намерение выступить с докладами о Пушкине и о К. Павловой. Назначение времени выступления, будьте добры, возьмите на себя, — мы организуем лекцию, когда Вам будет удобно.

О Павлищевой нам сообщают со всех сторон, и мы уже сделали, что могли, т. е. обратились в КУБУ.

Спасибо Вам за пожелания! Увы, я все под гнетом нависшего надо мною несчастья, которое совсем убивает и меня, и мою жену неопределенностью и неизвестностью того, что нас ждет.

Сердечно преданный Вам Б. Модзалевский.

Нестор Александрович шлет Вам привет и каждый день собирается к Вам.

¹ Устимович Петр Митрофанович (1867—1931) — историк русской литературы, сотрудник Пушкинского Дома.

17. А. Ф. Кони — Б. Л. Модзалевскому

23 сентября 1924 г.

IX.23.

Дорогой Борис Львович,

Хотя и знаю, что Вам, вероятно, надоели такие вопросы, но сердце болит за Вас и ждет ответа — прояснилось над Вами небо и рассеялись мрачные советские тучи или надо готовиться к великому торжеству какого-то предателя-доносчика. Если возможно ответить заключительным — да — не откажите в ответе, если еще нельзя сказать — да — не пишите ничего, я пойму Ваше молчание.

Если увидите Нестора Александровича, передайте ему, будьте добры, что мне будет нужен только дневник к(нязя) Урусова, где я надеюсь найти некоторые его указания для составляемой мною книги «О судебных русских ораторах»,¹ заказанной мне из Парижа. Но пока еще время терпит, по крайней мере, до декабря.

Я спрашивал письмом Утевского, вышел ли сборник посвященный Чехову,² но ответа не получил. Не знаете ли чего в этом отношении.

Кланяюсь Вашей супруге и Вашему милому сыну.

Сердечно Вам преданный

А. Кони.

Извините за неряшливость этого письма: чрезвычайно болит сердце...

На письме помета рукой Б. Л. Модзалевского: «1924».

¹ Книги с таким названием по библиографии сочинений А. Ф. Кони найти не удалось. См.: *Утевский Л. С.* Последний этап жизненного пути // Памяти Анатолия Федоровича Кони. Л.; М., 1929. С. 91 (Труды Пушкинского Дома).

² А. П. Чехов. Затерянные произведения, неизданные письма, воспоминания, библиография / Под ред. М. Д. Беляева и А. С. Долинина. Л., 1925 (Труды Пушкинского Дома при РАН). А. Ф. Кони в этом сборнике поместил свои «Воспоминания о Чехове».

18. Б. Л. Модзалевский — А. Ф. Кони

6 апреля 1925 г.

6 апр(еля) 1925.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович,

Искренно благодарю Вас за Ваше доброе письмо, из которого вижу, что одна моя записочка до Вас не дошла: в этой записочке, в первых числах января, я Вас первого извещал о том, что неприятность, висевшая надо мной 355 дней (т. е. без 10 дней год), разрешилась в благоприятную для меня сторону, и что я, наконец, вздохнул свободнее... Этот год, 1924, был для меня едва ли не самый тяжелый в моей жизни, — так отблагодарил меня за все мое добро к нему один из представителей нашего простого народа... Лучше не вспоминать!

Я не знаю адреса Ледницкого, а ответил ему при посредстве некоего А. Рыбарского, который прислал ко мне книги и предложил переслать мое письмо Ледницкому. Рыбарский — по-видимому — член Польского посольства и живет на Невском, в доме, занимаемом миссией, — кажется, № 8. Насколько безопасно в настоящую минуту сноситься с этим учреждением, в виду разыгравшихся событий, не знаю. Я послал свое (и Н. А. Котляревского) письмо еще до всего того, что случилось.

Наша сотрудница, бывшая у Вас, — Елена Борисовна Покровская, недавно вышедшая за некоего Гиппиуса.¹ Она уже и раньше бывала у Вас по делам Пушк(инского) Дома.

Мне очень хотелось бы знать Ваше мнение о Сборничке, который издал в Вашу честь Утевский.² Издать даже такую небольшую книжку в наше время представляется делом чрезвычайной трудности, почему она вышла и гораздо меньше по объему, и гораздо хуже по внешности, чем это предполагалось; были и другие затруднения, задержавшие ее выход. Но я все-таки рад, что несмотря на все трудности, книгу издать всё же удалось. Что Вы скажите про мою статью о Лажечникове?³ Я писал ее с большой симпатией к Вашему крестному отцу.

Все собираюсь к Вам с Нестором Александровичем, да он последнее время не совсем здоров, и посещение наше откладывается со дня на день.

Искренно Вас уважающий и преданный Вам

Б. Модзалевский.

¹ *Гиттиус Евгений Владимирович* (1903—1985) — музыковед-фольклорист. С 1939 г. в Пушкинском Доме работал в качестве заведующего фонограммархива. См.: Петербургский филиал Архива РАН, ф. 150, оп. 2, № 500, л. 3, 107. О его жене см. прим. 3 к п. 11.

² *Утевский Лев Самойлович* (1897—1960) — историк литературы. Речь идет о «Юбилейном сборнике. Анатолий Федорович Кони. 1844—1924» (Л., 1925).

³ *Лажечников Иван Иванович* (1790—1869) — исторический романист, драматург, мемуарист. В «Юбилейном сборнике» Б. Л. Модзалевский поместил статью о Лажечникове «Из галереи современников и знакомцев Пушкина».

19. А. Ф. Кони — Б. Л. Модзалевскому

7 апреля 1925 г.

IV.7.

Глубокоуважаемый Борис Львович,

Я не получил Вашей январской записочки, но мне особенно приятно узнать, что Вы мне в первом у сообщили отрадное для меня известие. Сборник, изданный Утевским, меня тронул чрезвычайно и своим содержанием, и трудностью его осуществления, знакомого мне даже по моим маленьким изданиям. Вашу статью об И. И. Лажечникове я читал с особенным удовольствием и интересом, не имея прежде сведений о его отношениях к Пушкину.

Буду сердечно рад Вашему посещению, но только просил бы его отложить на некоторое время до моего выздоровления от жестокого бронхита, заставившего меня прервать лекции в Институте технике речи¹ и заставляющим отказаться от лекционной поездки в Харьков, куда меня усиленно зовут.

Душевно Вам преданный

А. Кони.

Не откажите передать прилагаемое писалище Михаилу Дмитриевичу Беляеву.²

На письме помета рукой Б. Л. Модзалевского: «1925».

¹ О лекциях А. Ф. Кони в Институте живого слова (Государственные курсы техники речи) см. в предисловии к настоящей публикации.

² *Беляев Михаил Дмитриевич* (1884—1955) — сотрудник Пушкинского Дома, был занят организацией музея, во второй половине 1920-х гг. входил в состав Комитета Пушкинского Дома.

11 мая 1925 г.

11.V.1925.

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Львович!

Обращаюсь к Вам с двумя вопросами в расчете на Вашу всегдашнюю любезность. Первый из них касается Нестора Алекс(андровича),¹ печатные известия о болезни которого в связи с сообщением о том, что его видеть невозможно, очень меня встревожили, тем более, что я сам уже две недели страдаю крайним переутомлением, вызвавшим неправильную деятельность сердца, заставившую на время прекратить чтение лекций. Поэтому и пишу Вам не своей рукой, очень прося Вас сообщить мне, в каком состоянии находится теперь Нестор Александрович и насколько верны газетные известия. Если Вы находитесь с ним в сношениях, то не откажите передать ему мой привет и лучшие пожелания и скажите, что ему очень кланяется из Москвы его родственница Ирина Байкина. Вторая просьба следующая: дочь моего старого знакомого ученого латиниста и византиста бывшего профессора Духовной Академии² (здесь) Садова Марья Александровна,³ служащая 9 лет в Публичной библиотеке, жаждет, по личным (не служебным) обстоятельствам, получить должность в Пушкинском Доме и просит моей рекомендации. Зная ее с наилучшей деловой стороны, я конечно, не мог бы ей в этом отказать, но думаю, что таких свободных должностей при Пушкинском Доме нет, а деятельность научных сотрудников сверх штата, который конечно заполнен, не оплачивается, так что попытки мои исполнить ее желание были бы тщетны. Но для своего и ее успокоения очень прошу Вас сообщить мне, имеются ли или предвидятся ли к осени платные вакансии на какие-либо должности, исключая канцелярских, в Пушкинском Доме.

Извините, что беспокою Вас. Желаю Вам всего доброго и кланяюсь Вашей супруге и Вашему милому сыну.

Душевно Вам преданный

А. Кони.

По-прежнему ли живет Н. А. Котл(яревский) в Спасской ул. в кв(артире) юриста или он переменял место жит(ельства)?

Письмо написано рукой Е. В. Пономаревой. Подпись и приписка рукой А. Ф. Кони.

¹ Н. А. Котляревский скончался 12 мая 1925 г., письмо написано накануне его смерти.

² Садов Александр Иванович (1850—1930) — филолог-классик, профессор латинского языка и римской литературы, профессор Петербургской духовной академии, друг А. Ф. Кони.

³ Садова Марья Александровна (1888—1968) — библиограф, работала в Публичной библиотеке в 1917—1962 гг.

24 июня 1925 г.

24.VI.1925.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович,

Мне очень совестно, что я целую неделю не мог отозваться на Ваше милое письмо и до сих пор не поблагодарил Вас за него ни лично, ни даже письменно. Каждый день проходит у меня так суетливо, приносит столько волнений, забот, огорчений, что к вечеру я совершенно разбитый человек. А тут еще прибавилась затяжная болезнь жены («гранулезный фарингит», слышали Вы такой?) и массы срочных корректур (по изданию книги «Алфавит декабристов»),¹ — просто горе! Очень бы мне хотелось навестить Вас и отдохнуть за беседой с Вами, — да никак не вырваться. Надеюсь, однако, что на будущей неделе, когда свалю корректуры, Вы разрешите мне побывать у Вас на полчаса.

Нечего и говорить, как я и все мои сотоварищи жалели, что Вы не могли быть на открытии (очень скромном, «семейном») нашей постоянной историко-литературной выставки. На стенах ее и в витринах Вы увидели бы сотни своих знакомцев, все они заняли подобающее им место в ряду наших писателей. Было бы так желательно услышать Ваше суждение о том, как все у нас вышло и какие поправки следовало бы внести в Выставку.² Буду надеяться, что Вы обратитесь к нам в течение лета.

Спасибо Вам на добром слове. Но то, на что Вы намекаете и чего для меня хотел Нестор Александрович, совершенно невозможно, — прежде всего хотя бы потому, что я сам считаю это абсолютно невозможным по множеству причин.³ Теперь мечтаю лишь об одном: поскорее получить кого-либо, кто заместил бы Нестора Александровича в целом ряде забот административных, к которым я питаю отвращение и чувствую себя неспособным, — а меня бы отпустил «на покаяние», к научной работе.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам здоровья и сил.

Искренно преданный Вам

Б. Модзалевский.

¹ См.: Алфавит декабристов / Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л., 1925 (Восстание декабристов. Материалы; Т. 8).

² Речь идет о первой постоянной выставке Пушкинского Дома, которая открылась в сентябре 1925 г. См. прим. 3 к п. 22.

³ А. Ф. Кони намекает на то, чтобы Б. Л. Модзалевский занял директорский пост. Об этом же Кони пишет 17 июня 1925 г. академику Истрину Василию Михайловичу (1865—1937): «Очень мне грустно, что Борис Львович Модзалевский, так много сделавший для Пушкинского Дома, не может быть его директором, не будет академиком. Отчего бы ему не быть избранным на вакансию, открывавшуюся со смертью Н. А. Котляревского?» (Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 329). Б. Л. Модзалевскому пришлось исполнять обязанности директора до августа 1925 г., а с августа Конференция Академии назначила директором Пушкинского Дома академика С. Ф. Платонова, который уже замещал Н. А. Котляревского в 1923 г., когда он был в заграничной командировке.

15 октября 1925 г.

15 окт(ября) 1925.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович,

Ваше письмо и пакет с Чагинскими документами¹ получил на дому, т(ак) к(ак) теперь я воспользовался правом на отпуск и в Пушкинский Дом не хожу. Большое спасибо за память и подарок; такие документы, конечно, интересны, ибо дают тот фон, на котором становятся яснее и отчетливее многие явления и некоторые факты прошлого.

Собираюсь навестить Вас; как на зло, вместо поправки — захворал — простудил горло и целую неделю сижу с катаром зева: как только доктор позволит выходить, явлюсь к Вам, но боюсь, не обеспокою ли я Вас: Вы тоже жалуетесь на недомоганье.

Мне очень и очень бы хотелось, чтобы Вы посетили Пушкинский Дом. К «юбилею» (ох, уж этот «юбилей») ² мы, как-никак, худо ли, хорошо ли, развернули наш выставочный отдел, к сожалению, в двух, хоть и соседних зданиях,³ — и было бы особенно приятно показать Вам, именно Вам, результаты нашей 20-летней работы. Не могу примириться с мыслью, привыкнуть к ней, что нет уже с нами Нестора Александровича, он так бы радовался тому, что сделано и так действительно участвовал бы в нашей суете...

От души желаю Вам полного выздоровления.

Сердечно преданный Вам

Б. Модзалевский.

Вы, м(ожет) б(ыть), читали в газете о нашедшихся 30 письмах Пушкина к Е. М. Хитрово («Лизы Голенькой»):⁴ надеюсь, что сегодня они уже переедут в Пушкинский Дом. Предвкушая величайшее наслаждение. Если это не «записочки», а п и с ь м а, — они должны быть очень содержательны и важны. Я давно их доискивался, но тщетно; не понимаю, почему и как они попали в Юсуповский архив...⁵

¹ Чагинские документы были подарены Пушкинскому Дому А. Ф. Кони; бумаги из семейного архива помещика Чагина Ивана Васильевича (1771—1853): семейные письма и документы (1810—1820), аттестаты и др. материалы (ф. 479). В книге поступлений за 1924—1929 гг. за № 343 от 25 янв. 1926 г. произведена запись о получении в дар этих документов.

² Юбилей 20-летней работы Пушкинского Дома (1905—1925).

³ Выставка располагалась в зданиях на Тифлисской улице и Тучковой наб. О ней см.: 50-лет Пушкинского Дома / Под ред. В. Г. Базанова. М.; Л., 1956. С. 19—20.

⁴ 12 октября 1925 г. при разборке библиотеки князей Юсуповых в их бывшем особняке, а тогда музее (на наб. Мойки, д. 93), сотрудником Ленинградского Отделения Главнауки архитектором-художником П. А. Всеволожским был обнаружен пакет с письмами А. С. Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово (1783—1839). О находке было сообщено в Пушкинский Дом. И 19 октября, при содействии заведующего Ленинградским Отделением Главнауки М. П. Кристи, письма Пушкина поступили в Пушкинский Дом. Об этом свидетельствует запись в книге поступлений архивных материалов за 1924—1929 гг. за № 305 от 19 октября 1925 г. Публикаторы писем харак-

теризовали их следующим образом: «Письма к Е. М. Хитрово представляют собою шитую тетрадку большого почтового формата, в синей обложке с надписью: „Собственноручные письма А. С. Пушкина“ (...) Составитель собрания писем считает их 30; на самом же деле их 27; разница получается оттого, что отдельными №№ сочтены три копии со стихотворений Пушкина, подшитые к письмам, — хотя письма и стихотворения не имеют между собою прямой связи...». См.: Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832 / [Изд. подгот. М. Д. Беляев, Н. В. Измайлов, Б. Л. Модзалевский]. Л., 1927. С. VIII (Труды Пушкинского Дома; Вып. 48).

⁵ В 1827 г. Е. М. Хитрово привезла в Россию воспитанника, семилетнего мальчика, Феликса Николаевича Эльстона. Он жил у Е. М. Хитрово до самой ее смерти, а после заботы о нем перешли к ее дочери, графине Е. Ф. Тизенгаузен. В 1856 г., женившись на графине Е. С. Сумароковой, Ф. Н. Эльстон приобрел ее титул и фамилию. Сын же его, граф Феликс Феликсович, женившись в 1888 г. на последней в роде княжне З. Н. Юсуповой, стал князем Юсуповым графом Сумароковым-Эльстон. Отсюда понятно, почему в Юсуповский архив попали бумаги Е. М. Хитрово. См.: Там же. С. 158—159.

23. А. Ф. Кони — Б. Л. Модзалевскому

12 октября 1926 г.

X.12.926.

Глубокоуважаемый Борис Львович,

«Судьбой отсчитанные дни»¹ мои близятся к концу, в ожидании которого я делаю распоряжения о доставлении Вам настоящего письма немедленно после того, как я оставлю навсегда эту «Valle di pianto e di dolor».^a

Согласно акту, подписанному мною и С. Ф. Ольденбургом² 26 мая 1920 года, я должен передать Пушкинскому Дому предметы, собрания и рукописи, поименованные в подписанном мною списке.

Кое-что и было мною передано в виде фотографических карточек, писем и т. п. — но значительная часть еще остается у меня до моей смерти, согласно моему условию с Н. А. Котляревским, как необходимое мне для письменных работ и лекций и как украшение моего обиталища.

Все эти предметы, приведены мною в порядок, насколько то позволяло мое расстроенное здоровье, и на них наклеены ярлыки с надписью: «принадлежит Пушкинскому Дому при Академии наук.»

Я делаю распоряжение об отправке Вам настоящего письма немедленно после моей смерти, а Вас прошу, если возможно, безотлагательно, распорядиться и прислать за всем этим на мою квартиру кого-либо из Пушкинского Дома.

Надо иметь в виду, что некоторые предметы (напр(имер) письменный стол) громоздки и представляет некоторые осложнения для передачи в П(ушкинский) Дом.

Оканчивая это письмо лучшими Вам пожеланиями и сердечною благодарностью Вам за всегда доброе отношение ко мне, которое я очень ценил, искренно Вас любя и уважая, как общественного деятеля и человека.

Преданный Вам

А. Кони.

^a Юдоль слез и боли (*итал.*).

На конверте написано: в (е с ь м а) н у ж н о е. Борису Львовичу Модзалевскому. Васильевский остров, Николаевская набережная, угол 7 линии, д(ом) Академии Наук. От А. Ф. Кони.

На обороте: было мною найдено распечатанным, почему и не передано тотчас. Е. Пономарева.³

¹ Строчка из письма Онегина к Татьяне. Гл. VIII, стих. 35.

² *Ольденбург Сергей Федорович* (1863—1934) — востоковед, индолог. В 1904—1929 гг. — непрменный секретарь Академии Наук. В 1930—1934 гг. — директор Института востоковедения АН СССР.

³ *Пономарева Елена Васильевна* (1868—1929) — дочь старого друга А. Ф. Кони. В трудные голодные 20-е годы она переехала к А. Ф. Кони в его большую квартиру и поддерживала его своей неусыпной заботой. В прошлом крупная общественная деятельница в Харькове, положившая много сил для основания Народного дома.